

ИСТОРИЯ

СВЯЗИ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОГО КОСТЁЛА ЛАТВИИ С КАТОЛИКАМИ ВИТЕБЩИНЫ В 50–80-Е ГОДЫ XX СТОЛЕТИЯ

А. Яковлев

г. Витебск, Беларусь

У артыкуле на падставе архіўных матэрыялаў і ўспамінаў сведкаў разглядаецца праблема існавання рымска-каталіцкіх суполак і вернікаў-каталікоў на Віцебшчыне ў пасляваенны час. Адлюстравана роля латышкага духавенства ў падтрымцы рэлігійнага жыцця на поўначы БССР, а таксама Рыжскай Духовнай Семінарыі як адзінай установы для падрыхтоўкі каталіцкага духавенства для абслугоўвання вернікаў СССР (акрамя Літоўскай ССР). Прыведзена інфармацыя пра лёсы некаторых каталіцкіх святароў.

Ключавыя словы: каталіцтва, касцёл, БССР, Латвія, Віцебшчына, І. Барадзюла, Ч. Вільчынскі.

In article on the basis of archival materials and memoirs of witnesses the problem of existence of Roman Catholic communities and Catholic believers in Vitebsk region in post-war time is considered. The role of the Latvian clergy is reflected in support of religious in the north of BSSR, and also the Riga Theological Seminary as uniform institutions for preparation of Catholic clergy for service of believers of the USSR (except Lithuanian the Soviet Socialist Republic). Information on destinies of some Catholic priests is provided.

Keywords: Catholic, church, BSSR, Latvia, Vitebsk region, I. Baradzyula, Ch. Wilczynski.

Связи римо-католиков Витебщины и Латвии всегда благотворно воздействовали на деятельность этих религиозных объединений. Однако наиболее важным и знаменательным, прежде всего для белорусской стороны, это сотрудничество было в 1950–80-е гг. После Второй Мировой войны католическая церковь в СССР, и особенно в БССР, оказалась в исключительно тяжёлой ситуации. В Витебской области к 1938 г. не осталось ни одного действующего католического храма, хотя ещё по состоянию на 1926 г. в Витебском и Полоцком округах действующих костёлов было около 20 и в них служило около 20 ксендзов. Все костёлы были закрыты и осквернены или же совсем разрушены, а священнослужители арестованы и посланы в лагеря, где они почти все погибли. После войны и вплоть до начала 1990-х гг. в восточной части области не действовал ни один костёл. Впрочем, и на всей остальной части восточной БССР, в её границах до 1939 г., после войны не открылся ни один костёл, не был зарегистрирован ни один ксёндз, хотя некоторые из них, как ксендзы Бородзюла, Шутович, Котович и другие, вернувшиеся из сталинских лагерей, обращались к властям за регистрацией. Несмотря на многочисленные просьбы католиков, не была зарегистрирована ни одна римско-католическая община во всей восточной части БССР.

Здесь следует отметить, что ничего подобного не было ни в Украине, ни тем более в Прибалтике. В УССР после войны в её восточной части некоторые костёлы были переданы верующим и ксендзы, которые прежде служили в БССР, не получив здесь после войны регистрации, вынуждены были уехать в Украину, где получили регистрацию и продолжили своё служение в римско-католических общинах.

В западной части БССР, которая до 1939 г. входила в состав Польши, советские власти после войны начали массированное наступление на верующих всех конфессий и особенно на Римско-католическую церковь.

Если в 1945 г. в девяти западных районах Полоцкой области насчитывалось 56 действующих костёлов, которые обслуживали 45 ксендзов, действовал женский монастырь в Друе, где подвизались 40 монахинь [1], то по состоянию на 1 января 1980 г. в Витебской области действующими остались только 11 костёлов, в которых служило 7 ксендзов [2].

Из всего количества ксендзов, переживших войну, только один ксёндз Козел не прошёл сталинские лагеря, все остальные в разное время были арестованы и осуждены на пребывание в тюрьмах и лагерях. Структуры католического костёла в БССР были почти полностью уничтожены, и только распад СССР не позволил этому процессу завершиться. В БССР не было своих католических епископов, не было католических духовных семинарий, власти умышленно не шли ни на какие уступки католикам, не смотря на их многочисленные просьбы, постоянно направляемые в высшие советские и партийные органы в Москве и Минске. Коммунисты рассчитывали, что вопрос с католиками в Беларуси решится сам по себе, по мере естественной смерти ксендзов, а новых фактически не было откуда взять. Желающих поступить в католическую духовную семинарию среди католической молодёжи всегда было достаточно, но осуществить своё призвание было почти невозможно.

В СССР действовали две небольшие католические семинарии, одна в Каунасе, а другая в Риге. Однако преподавание в Каунасской Духовной Семинарии велось на литовском языке и туда принимали только постоянно проживающих в Литве, а в Рижской Духовной Семинарии, которая в 1977 г. получила статус всесоюзной, преподавание проводилось и по-латышски, и по-русски и туда поступали молодые католики из всего бывшего СССР — Казахстана, Грузии, Украины, Молдовы, России, Беларуси, Эстонии и из самой Латвии. Однако наборы эти были так малочисленны и так усложнены советскими властями, что в год зачислялись семинаристами всего 8–12 человек. И все-таки нескольким белорусам удалось в неё поступить и закончить обучение. В основном это были представители Гродненской области, а из Витебской области в разные годы её закончили ксендзы — Вильчинский, Трубович, Кисель, Адамович, Курэчко и некоторые другие, потом служившие не только в БССР, но и в других местах СССР. Проходящий ныне службу в костёле д. Росица Верхнедвинского района ксёндз Чеслав Курэчко

говорил, что общее количество семинаристов доходило до ста человек, но в течение учёбы по различным причинам отчислялась приблизительно половина от всех принятых на первый курс. Семинария находилась в Риге на улице Киевской, которой в современной Латвии возвращено ее первоначальное название – Костэло.

Ещё в 1950-х гг. многие католики Орши, Витебска, Полоцка, Лепеля и других мест восточной Витебщины, несмотря на расстояния, начали систематически посещать костёлы западной части области – прежде всего, д. Задорожье, где служил ксёндз-марианин Л. Павлик, Глубокое; а также костёлы Латвии – Даугавпилс, Резекне, Ригу. Другие ездили в Вильнюс и другие храмы приграничных районов Литвы и Латвии. В этих республиках Римско-католическая церковь и после войны имела относительную свободу и не уничтоженную, как в БССР, иерархию. Костёлы в этих республиках не только не закрывали, но и разрушенные во время войны, восстанавливались с помощью властей.

Нередко католические священники из Литвы и Латвии, отзываясь на просьбы верующих Беларуси, тайно посещали католиков восточной Витебщины, подвергая себя риску быть арестованными, оштрафованными и лишёнными так называемых «справок» уполномоченных по делам религий своих республик на право осуществления пасторской деятельности (они выдавались на различные сроки от трёх месяцев).

Сами же верующие, особенно восточной Витебщины, видя разницу в подходе властей к деятельности Римско-католической церкви в БССР и Прибалтийских республиках СССР, начали смело проявлять активность и требовать от властей открытия закрытых в 1920–30 гг. костёлов и разрешения приглашать для службы в них ксендзов, к чему их призывали священники Литвы и Латвии. Ксендзы из Прибалтики, приезжая в восточные районы Витебщины, тайно проводили богослужения и совершали таинства, прежде всего крещения и брака, в квартирах или домах пригласивших. На эти службы приходили люди надёжные и проверенные, но иногда все-таки власти узнавали о приездах ксендзов и принимавшие их имели большие неприятности и облагались высокими штрафами.

Ещё в 1954 г. католики Дриссенского района, граничащего с Латвией, выбрали так называемую «двадцатку», которая собрала 532 подписи верующих с требованием открыть в Дриссе костёл, закрытый в 1936 г. Власти, однако, к просьбе верующих не прислушались. Из письма Уполномоченного Совета по делам религиозных культов при Витебском Облисполкоме Потоцкого от 25 марта 1955 г. к Уполномоченному Совету по делам религиозных культов при Совете Министров СССР Уласевичу сообщалось, что «21 октября 1954 г. объявлено верующим католического вероисповедания, что в регистрации их религиозного общества отказано в связи с тем, что они не имеют молитвенного здания пригодного для молитвенных собраний» [3]. Такое решение властей верующих не удовлетворило и в последующие годы они

снова собирали подписи и отправляли их в вышестоящие советские органы власти. Так, например, в мае 1958 г. житель г. Дриссы Гачицкий Игнатий Осипович от имени 28 католиков города направил очередное письмо Уполномоченному Совету по делам религиозных культов при Совете Министров СССР по Белорусской ССР с просьбой о передаче костёла в городе Дрисса прихожанам [4]. Уполномоченный П.М. Лабус переслал это письмо для разбирательства уполномоченному по Витебской области Сидорову, который после принятия мер в октябре 1958 г. доложил:

«Согласно Вашего указания от 21.05 сего года за № 77, которым Вы рекомендовали вызвать на беседу гражданина Гачицкого по групповому заявлению в части передачи им здания бывшего костёла, после вторичного вызова от 26.09 сего года (первый вызов был 09.06 сего года) Гачицкий был у меня на беседе 23.10 сего года.

Из беседы установил, что верующие-католики г. Дриссы и ближайших населённых пунктов, которых со слов Гачицкого насчитывается в районе до 300 человек, под влиянием духовенства из Латвийской Республики, хотят иметь свой костёл в городе Дрисса для удовлетворения своих религиозных потребностей. Для этого они хотели бы за свои средства восстановить здание бывшего костёла в г. Дрисса.

О передаче указанного помещения под костёл возражает руководство Дриссенского Горсовета и Облисполкома, а также и парторганы г. Дрисса. Костёл закрыт в 1936 году, и до настоящего времени использовался Райпотребсоюзом, как складское помещение. Помещение полуразрушенное, аварийное, и на местах не находят нужным ремонтировать его как складское помещение. Обо всём указанном объяснил гражданину Гачицкому. Получив такое разъяснение, Гачицкий стал просить, чтобы дать им разрешение на приглашение ксендза из Латвии для проведения служб в частных домах и исполнения треб на дому верующих. В такой просьбе ему отказано, так как из слов Гачицкого видно, они намерены во время службы организовать сборы-пожертвования денег на приобретение здания под костёл. Гачицкий в конце беседы сказал: «русские имеют церковь, евреи собираются на моления в частных домах, мы, католики, тоже имеем право молиться, поэтому, чтобы иметь костёл, или ксендза, будем писать т. Хрущёву». Прошу сообщить, могут ли зарегистрированные ксендзы приезжать на дом верующих по их приглашению для исполнения треб» [5].

Высокую активность с требованием возвращения им закрытого властями в 1930-е гг. костёла проявляли также католики Росицы и окрестных деревень.

Исполняющий обязанности Уполномоченного Совета по делам религиозных культов по Витебской области Сидоров, в секретной докладной записке Председателю Совета по делам религиозных культов при Совмине СССР Пузину по итогам работы в 1958 г. сообщал, что ещё в 1957 г. като-

лики Дриссенского района ходатайствовали об открытии Росицкого костёла, но на этом дело и закончилось. Однако «28 января 1958 года пришёл некий Варш Викентий, 1892 года рождения, уроженец Росицкого сельсовета Дриссенского района, и заявил, что он ксендз, сейчас проживает на Украине в Хмельницкой области в Дунаевцах у родственников, вернулся из Красноярского края, где отбывал наказание, и хочет поступить ксендзом в Росицкий костёл. После того, когда ему было сказано, что костёл не действует, требует большого капитального ремонта, Варш сказал: “Немецкие фашисты убили в Дриссенском районе много советских людей. Убитых, ни в чём неповинных советских граждан, надо показать на стенах костёла и пусть люди приходят в Росицу и чтят память погибших, это будет лучше, чем католикам ходить в Латвию”. Прикрываясь красными словами, и выдавая себя за патриота Родины, этот бывший ксендз намеревался под всякими предлогами добиться разрешения посещения верующими Росицкого костёла, предлагая свои услуги на проведение церковной службы около костёла. При этом у него было намерение использовать посещающих к возбуждению ходатайства на открытие костёла. Этому хитрецу предложено немедленно обратиться из Витебской области» [6].

В декабре 1958 г. католики из Полоцка обратились с заявлением, которое подписало 26 верующих, дать разрешение на приезд ксендза из Латвии для проведения Рождественской службы. В просьбе было отказано с мотивацией, что костёла в Полоцке равно как и зарегистрированных общин католиков нет. Хотя по оценкам властей в городе и окрестностях насчитывалось до 200 человек, которые собирались на моления только во время приезда ксендза [6].

В том же году с заявлением обращалась группа католиков из Сиротинского района. 37 человек также просили дать разрешение на приезд ксендза из Латвии для проведения церковной службы на кладбищах. Естественно, и в этой просьбе властями было отказано по тем же подложным причинам. При этом давалась характеристика, что только в Добрино проживало до 50 верующих, а остальные группы католиков находились в Толочинском, Освейском, Лепельском, Дриссенском районе и в городе Полоцке [6].

Приведённые из архивных документов данные красноречиво свидетельствуют о том, что католическое духовенство Латвии в трудные годы гонений на католическую церковь не оставило в беде своих братьев по вере, католиков Витебщины, и по мере своих сил и возможностей поддерживало их.

Выразительным примером белорусско-латвийских католических связей является судьба ксендза Иосифа Бородзюли, уроженца деревни Козики Бараньковской волости Полоцкого уезда Витебской губернии. Ксендз И. Бородзюля пробыл в тюрьмах, лагерях и ссылках почти 25 лет. После освобождения из лагеря в 1946 г. принял решение поехать в Ригу к католиче-

скому митрополиту для получения назначения на дальнейшую службу в какой-либо приход. В конце 1947 г. его назначили в Посинский костёл Лудзенского района Латвийской ССР, где он служил до ноября 1949 г., пока вновь не был арестован и 10 февраля 1950 г. отправлен в ссылку в Красноярский край без указания срока. Но после смерти Сталина 22 сентября 1954 г. И. Бородзюля был освобождён. В своей автобиографии, вспоминая этот период жизни, он писал: *«22 октября 1954 года я возвратился из Сибирской ссылки в Ригу и получил назначение от Рижского Митрополита настоятелем Придруйского костёла Краславского района Латвийской ССР. 25 декабря 1956 года я получил сообщение от Прокуратуры города Москвы от 20 декабря 1956 года за № 1879-56 с уведомлением о том, что постановлением Президиума Верховного Совета от 30 ноября 1956 года приговор по моему делу отменён за отсутствием состава преступления. Подписал прокурор Рогов. И судимость с меня снята. На этом основании 29 декабря 1956 года я получил в Краславке в Паспортном отделе полноценный бессрочный паспорт с правом прописки по всему Союзу – серия 17-УЮ № 734178. В июле 1958 года Уполномоченный по делам культов при Совете Министров СССР по Латвийской ССР Ю.Ф. Росберг отказался зарегистрировать меня при Придруйском костёле, и я ушёл на пенсию»* [7].

Ксендз И. Бородзюля всегда поддерживал связи со своей Родиной и близкими ему людьми. Католики Витебска, не теряя надежду на возвращение им костёла и возобновление в нём богослужений, обратились за помощью к ксендзу Бородзюля, который в то время проживал в Риге по улице Раудос. Ксёндз Иосиф, идя навстречу настойчивым просьбам витебских верующих, решил обратиться с личным письмом к Уполномоченному по делам религиозных культов при Совмине БССР, Уполномоченному по делам религиозных культов по Витебской области и к Председателю КГБ по Витебской области. В своём обращении к властям от 10 мая 1963 г. он писал:

«Обращаюсь к Вам с просьбой по очень важному и жизненно нужному для меня и Витебских верующих католиков делу.

В период культа личности, при жизни Сталина, я был почти всю свою сознательную жизнь репрессирован, то есть, осуждён разными судебными юридическими инстанциями, преимущественно особым Совещанием города Москвы. В общей сложности, отбыл наказание около двадцати пяти лет в тюрьмах, лагерях и ссылках.

До ареста я работал настоятелем Каменно-Губинского римско-католического костёла Витебской области Лепельского уезда и обслуживал приходы Беженковический, Ульский и Ушачский, соседние с моим Каменно-Губинским приходом. Место жительства моё было постоянное при Каменно-Губинском костёле в посёлке Губино Витебской области Лепельского уезда. При жизни товарища Ленина всё обстояло благополучно в моей

работе как настоятеля костёла, так как была полная согласованность, солидарность и контакт с распоряжениями и директивами Советской власти, что касалось церкви и религиозных культов.

Но после смерти товарища Ленина обстановка изменилась, и меня 29 декабря 1926 года по ордеру, подписанному Начальником Минского ОГПУ тов. Опанским, арестовали в Губине при костёле.

И с этого дня, я, имея отроду 33 года, начал скитаться по тюрьмам, лагерям и ссылкам до самой смерти Сталина, так как освободили меня последний раз из бессрочной ссылки из Сибири (село Абан Абанского района Красноярского края) только 22 сентября 1954 года, когда мне было отроду 61 год.

После первых сроков наказания, отбытых в Соловецких лагерях особого назначения (СЛОН) и на ссылках в городе Архангельске и Коми области, село Донское Усть-Куломского района, я был освобождён в августе 1933 года и в сентябре вернулся в город Витебск, где получил от Управляющего Могилёвской римско-католической епархией, Апостольского Администратора Петра Авгло, проживающего в городе Могилёве, назначение настоятелем витебских костёлов святого Антония и святой Барбары, где проработал непродолжительное время, то есть только до половины октября 1933 года, а 14 октября 1933 года Начальник Витебского ОГПУ, отняв от меня документы о моём назначении и освобождении со ссылки, приказал мне в течение 72 часов опять уехать в Архангельск, предупредив меня, что вслед за мной будет послана шифрованная телеграмма. В Архангельске я был некоторое время как ссыльный, а в 1935 году снова осуждён и как заключённый отбывал наказание в лагерях Сибири и Заполярья.

В настоящее время все мои дела по распоряжению Генерального Прокурора СССР тов. Руденко пересмотрены прокурорами по надзору за следствием в органах Госбезопасности, опротестованы и Верховными инстанциями суда аннулированы, приговоры по этим делам отменены за неимением обвинительного материала и я по всем моим делам реабилитирован. Так как дела мои Минское и Витебское были пересмотрены и аннулированы в последнюю очередь, то есть только в этом 1962 году: Минское дело пересмотрено Верховным Судом Белорусской ССР в Минске 5 июня 1962 года, а Витебское дело пересмотрено Витебским Областным судом в городе Витебске 13 октября 1962 года, я не мог явиться к Вам с просьбой раньше, имея на себе тяжесть обвинения (хотя я и не виноват), а также подозревая, что эти судимости могут служить предлогом для отказа в моей просьбе.

И только теперь, когда я получил по всем моим делам полную реабилитацию, а всех дел было пять, я поднимаю голос и добиваюсь своих прав на возвращение в Витебск и согласия Вашего на мою работу как служителя культа между Витебскими верующими католиками. В мою бытность

настоятелем в Витебске в 1933 году была выбрана католиками двадцатка и зарегистрирована в Витебском Исполкоме.

Разумеется, за 28 лет моего отсутствия в Витебске много воды утекло и много больших перемен произошло, тем более, что Отечественная война произвела большие разрушения, в которых костёл святого Антония на Смоленской улице совсем стёрт с лица земли, а костёл святой Барбары, на Городокской улице, в котором я жил и работал в 1933 году, хотя стоит и теперь, и война каким-то чудом его не тронула, но само время повлиало, что он требует капитального ремонта, который мы, верующие, при Вашей моральной помощи постараемся сделать. Витебские верующие католики несколько раз обращались ко мне с просьбой, чтобы я поскорее возвращался в Витебск для духовной работы. Витебские верующие католики говорят мне, что все верующие в Витебске и православные, и евреи, и даже сектанты евангелисты имеют своих представителей культа, которые исполняют им духовные требы и религиозные обряды, и только они, Витебские верующие католики уже много лет не имеют служителя для исполнения религиозных обрядов своего культа.

В виду вышеизложенного и, принимая во внимание, что обвинения с меня отменены:

Первое дело. Постановление Особого Совецания города Москвы от 4 марта 1927 года – отменено Верховным Судом Белорусской ССР от 5-го июня 1962 года в городе Минске.

Второе дело. Постановление Особого Совецания города Москвы от 13 января 1930 года – отменено Витебским Областным судом 13 октября 1962 года в городе Витебске.

Третье дело. Постановление Особого Совецания города Москвы от 21 сентября 1935 года отменено Архангельским Областным Судом 18 января 1959 года в городе Архангельске.

Четвёртое дело. Постановление Таймырского Окружного суда от 26 ноября 1939 года – отменено Верховным судом РСФСР в городе Москве.

И пятое дело. Постановление Особого Совецания города Москвы от 10 февраля 1950 года – отменено Верховным судом Латвийской ССР в городе Рига.

И сознавая необходимую потребность Витебских верующих-католиков в служителе культа, а также зная, что в СССР можно пользоваться свободой совести на основании ленинской Конституции, прошу разрешить мне возвратиться в Витебск для работы по своей специальности как служитель культа, а также прошу дать указание Уполномоченному по делам культа при Совете Министров Белорусской ССР по Витебской области, чтобы последний зарегистрировал меня, как настоятеля Витебского католического прихода, согласуя это назначение с Председателем Комитета Госбезопасности при Совете Министров Белорусской ССР по Витебской области» [7].

Власти, как и следовало ожидать, разрешения ксендзу И. Бородзюля не дали. И ещё многие годы католики Витебска не имели возможности молиться Богу в своём костёле. Вернули католикам Витебска святыню только в 1993 г. в полуразрушенном состоянии. Другой витебский костёл – святого Антония, некогда находившийся в самом центре города, по приказанию властей был взорван в 1958 г., хотя здание храма во время войны почти не пострадало. Костёл святого Антония власти закрыли в 1933 г., осквернённый, использовался под спортзал Медицинского института, Музей атеизма, во время войны с осени 1943 г. действовал, службу в нём проводил немецкий капеллан, но в богослужениях участвовали не только немецкие солдаты-католики, но и граждане города католического вероисповедания. После войны костёл снова был закрыт. Сегодня на его месте находится фонтан с женскими фигурами, символизирующими три витебские реки – Двину, Витьбу и Лучёсу.

С Латвией тесными узами была связана и судьба выдающегося католического священника браславщины Чеслава Вильчинского (6 января 1928 – 26 августа 1986). Уроженец этих мест, он всю свою пасторскую деятельность посвятил служению католикам района. Будучи настоятелем костёла в Браславе, обслуживал верующих не только райцентра, но и 16 закрытых властями католических приходов района. О жизненном пути ксендза Чеслава Вильчинского в середине 1990-х гг. мне рассказал его родной брат Антоний, который в то время вместе с женой, латышкой по национальности, жил на хуторе при самой латвийской границе, недалеко от местечка Плюсы. Антоний по возрасту был старше Чеслава и хорошо помнил довоенные годы. Перед войной, говорил, «если кому-то не хватало хлеба и средств для жизни, мог без всякого труда приобрести в полиции города Браслава заграничный паспорт и выехать на сезонные работы в Латвию, поскольку в этой стране жизненный уровень и заработки были выше, чем в Польше. Многие браславчане ездили туда систематически и хорошо там зарабатывали. Работы на сезонных работах могли заработать в день 2 лата, а в Браславе, в обменных пунктах за них давали 3 злотых. Пуд ржи стоил 2 злотых».

Вспоминая жизнь католического прихода в Плюсах, Антоний Вильчинский рассказал, что последний предвоенный настоятель костёла в Плюсах ксёндз Ян Жук, как только в сентябре 1939 г. в местечко пришли большевики, сразу же выехал в Латвию, а когда СССР занял и Латвию, то ксендза арестовали и сослали в Красноярский край. После войны он выехал в Польшу. Во время войны настоятелем был ксёндз Бильша. В 1949 г. и он был арестован и отправлен в лагерь, где находился до середины 1950-х гг. По возвращении на Родину в Плюсах ему служить не разрешили, и он выехал в Сморгонь. Собственно костёл в Плюсах был открыт только в 1991 г.

О пути к священству своего брата А. Вильчинский поведал, что Чеслав с самого раннего детства проявлял особое внимание к жизни костёла, был министрантом, много времени проводил в костёле, что не очень нравилось

отцу, который нуждался в рабочей силе и желал видеть своих детей на хозяйстве. До войны дети учились в польской школе, а когда после войны польских школ в районе уже не было, то родители отправляли детей в Двинск (в Латвию), где последнюю польскую школу закрыли в 1950-х гг. После окончания школы Ч. Вильчинский работал на хозяйстве отца и посещал костёл в деревне Небор в Латвии, преодолевая пешком 10 км. Вскоре он сообщил родным о желании поступать в Рижскую Духовную Семинарию, куда и был принят в 1955 г. Вместе с Чеславом там учился и его близкий сосед Юзеф Трубович, который потом служил священником в Гродно. Закончив семинарию, Чеславу пришлось долго ждать разрешения Управляющего по делам религий области («красного епископа», как его между собой называли ксендзы) на рукоположение в священство. Произошло оно только в 1967 г. Примицийное богослужение прошло в Браславе. Родители братьев Вильчинских к тому времени уже умерли и не могли быть свидетелями такого светлого и радостного для семьи праздника. Почти двадцать лет служил он верующим региона. Умер ксёндз Чеслав Вильчинский в возрасте 58 лет, накануне совершив несколько крещений и венчаний.

Весной 1985 г. католики Беларуси пережили большую скорбь – 30 апреля скончался бывший узник сталинских тюрем и лагерей, настоятель миорского костёла ксёндз Грабовский, а 13 мая скончался настоятель глубокского костёла ксёндз Францкевич, также бывший узник ГУЛАГа. В последний путь провожали своих духовных отцов тысячи верующих, представители католического и православного духовенства БССР, а также ксендзы из Литвы и Латвии, а также родственники из Польши.

Постоянно ездили в костёлы Латвии и католики Миколаёво, одной из самых больших католических деревень Шумилинского района. Об этом в середине 1990-х гг. рассказывала мне жительница д. Миколаево Розалия Гуца: «Чтобы приступить к причастию и брать участие в богослужениях, мы в основном ездили в костёлы Западной Беларуси и в Латвию. Когда женился мой сын, венчание происходило в Придруйске, в Латвии, некоторые другие отправлялись в костёлы Краславы или Индры. В 80-х годах к нам в Миколаево тайно несколько раз приезжали из Латвии ксендзы Арнольд и Бородзюля».

Одной из самых активных католичек Витебска была, ныне уже покойная, Станислава Семерякова. В Витебск она приехала из Браславского района, где ещё до войны училась в польской школе и познавала христианские ценности и правила жизни христианина в школе на уроках катехизиса, в семье и в костёле. Оказавшись в Витебске, где не было действующего католического храма, чувствовала себя очень уязвлённой. Своих троих детей крестила в Даугавпилсе, старалась, несмотря на значительное расстояние, как можно чаще бывать в храмах Латвии. Там исповедовалась и приступала к святому причастию. В дороге туда и обратно, а также в костёлах познако-

милась и с другими витебскими католиками, которые также посещали богослужения в соседней республике. Ксендзы Латвии, познакомившись со Станиславой, увидели в ней настоящего верующего и надёжного человека и посоветовали ей с целью возвращения витебского костёла верующим, начать собирать подписи среди католиков Витебска, а потом вместе с заявлением предъявить их властям города. Станислава рассказывала, что с болью в сердце смотрела на закрытый и полуразрушенный костёл, молилась Богу, чтобы помог верующим добиться возвращения своей святыни для проведения в ней богослужений. Во второй половине 1970-х гг. в Даугавпилсе она познакомилась с тогда ещё молодым ксендзом Булисом, а ныне епископом, который рекомендовал Станиславе собирать подписи и поддерживал её в этой ответственной и небезопасной деятельности. Через некоторое время С. Семеряковой удалось собрать свыше 500 подписей, однако в соседней Польше начались волнения в обществе, связанные с возникновением независимого профсоюза «Солидарность», вступившего в конфронтацию с официальными властями этой страны. Эти обстоятельства обеспокоили и власти СССР. Учитывая эту ситуацию Станислава поехала в Даугавпилс к ксендзу Булису за советом. После обстоятельного разговора ксёндз Булис рекомендовал подписи сохранить у себя и подождать более подходящего момента. Через несколько лет кардинальные изменения произошли и в самом СССР, началась «перестройка» и прекратилось преследование верующих, активизировался процесс возвращения храмов прихожанам. В Витебск из Польши приехал доминиканин Януш Скенчек и началось возрождение духовной жизни среди католиков города, в которой активное участие приняли и католики-латыши проживающие в Витебске.

Таким образом, присоединение западных районов к Витебской области несколько оживили религиозную жизнь верующих-католиков в Двинском регионе. Борьба с костёлом здесь не смогла привести к полному закрытию храмов и ликвидации приходов, как это случилось в межвоенный период в восточных районах. В определённой степени этому способствовала близость Прибалтики, где даже в советский период религиозная политика была более мягкой. Рижская Духовная Семинария стала альма матер для чувствующих призвание к службе Богу белорусов, что позволяло хоть в какой-то мере удовлетворять потребность в священниках. Установившиеся связи не разорвались и сегодня.

Использованные источники:

1. Национальный архив Республики Беларусь, ф. 4п, оп. 61д, д. 194, л. 177.
2. Государственный архив Витебской области (ГАВО), ф. 1439, оп. 5, д. 31, л. 7.
3. ГАВО, ф. 4029, оп. 1, д. 6, л. 26–27.
4. ГАВО, ф. 4029, оп. 1, д. 9, л. 3.
5. ГАВО, ф. 4029, оп. 1, д. 9, л. 9–10.
6. ГАВО, ф. 4029, оп. 2, д. 8, л. 65.

7. ГАВО, ф. 4029, оп. 1, д. 16, л. 35–38.